

И. О. ТЮМЕНЦЕВ, Н. Е. ТЮМЕНЦЕВА

**НОВАЯ И НОВЕЙШАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ЗЕМСКОГО
ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 1608–1612 ГОДОВ.
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ¹**

**NEW AND RECENT HISTORIOGRAPHY OF THE ZEMSTVO
LIBERATION MOVEMENT OF 1608–1612. PART ONE.**

A critical analysis of the new and recent domestic and foreign historiography of the zemstvo militias in Years 1608–1612 showed that this topic, paradoxically, remains the least studied. Narrative sources have been well researched. The correspondence, diaries and notes of foreigners are less developed but this is another main source on the history of the zemstvo militias. Significant progress has been achieved in the prosopographical study, written about the Time of Troubles. Individual events in the history of the militias have been well analyzed, curious observations have been made, and very productive ideas and thoughts have been expressed. However, the first steps are being taken in the study of the few archival complexes that have come down to us. Comparing the data of these complexes of opposite political orientation opens up the opportunity to critically evaluate the data of narrative sources, both Russian and foreign, and to make significant clarifications to the prevailing ideas about the Time of Troubles. The history of the movement of the zemstvo militias as a united movement of Russian people for the salvation of the country in 1608–1612 requires a special investigation.

Keywords: The Time of Troubles, XVII Century, Novgorod and Pskov lands, Cossacks, Foreigners, Cossack army

Igor' Olegovich Tiumentsev – DSc in History. Chief Researcher at the Laboratory of Cossacks at the Federal Research Centre the Southern Scientific Centre Of The Russian Academy Of Sciences. Email: tijumencev@mail.ru. ORCID: 0000-0002-8762-9308

Nina Egorovna Tiumentseva – CSc in History. Associate professor at Volgograd State University (VolGU). Email: tyumenceva.nina@mail.ru. ORCID: 0000-0002-0545-658

The article was prepared on the research topic «Cossacks in the Civilizational Development of the Russian Southern Frontier» in accordance with the State Assignment of the UNC RAS for 2024 (00-234-15, No. 124012200178-4, PFNI direction 6.1.2.8).

- 1 *Citation: I. O. TIUMENTSEV, N. E. TIUMENTSEVA, „Novaia i noveishaia istoriografia zemskogo osvoboditel'nogo dvizheniia 1608–1612 godov. Chast' pervaiia.” [New and Recent Historiography of the Zemstvo Liberation Movement of 1608–1612. Part One.], *RussianStudiesHu* 7, no. 2 (2025): 185–200. DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.19*

DOI: 10.38210/RUSTUDH.2025.7.19

В дореволюционной российской, польской и шведской историографии земское движение против Лжедмитрия II и его русских приспешников, против польского короля Сигизмунда III, попытавшегося захватить Россию вместо избранного земским собором королевича Владислава, никогда не рассматривалось как единый комплекс событий. Наиболее разработанной была история Второго ополчения, тогда как Первое ополчение неизменно оставалось в тени.²

Революция 1917 г. и гражданская война открыли новый этап в изучении Смуты в отечественной историографии. Первые историки – марксисты в 20-х годах XX в. попытались с позиций исторического материализма переосмыслить знания, накопленные предшественниками, и выработать новую концепцию событий Смутного времени. Здесь как никогда кстати пришла концепция К. Валишевского «анархического», «революционного» восстания крестьян и пашенных холопов. М. Н. Покровский, критикуя «буржуазную» концепцию В. О. Ключевского – С. Ф. Платонова, указывал, что Смута развивалась не сверху, а снизу. Он считал, что в начале XVII в. в стране имел место классовый конфликт – «казачья или крестьянская революция», аналогичная «Великой крестьянской войне» в Германии. Полемизируя с С. Ф. Платоновым, М. Н. Покровский сделал важное наблюдение, отметив, что источники 1606–1608 гг. содержат прямые свидетельства о превращении казаков, холопов и крестьян в вотчинников и помещиков, поэтому нельзя признать, что конечной целью повстанцев являлся «общественный переворот». Далее он пришел к парадоксальному заключению, что это было только начало «социального движения», которое в полной мере развернулось в 1608–1610 гг. В этой трактовке абсолютно несамостоятельный как политический деятель Лжедмитрий II оказался «подлинным вождем социальных низов», который выступил с программой «общественного переворота». Народное антицаринское движение в Замосковье и Поморье, движение земских ополчений под пером историка-марксиста превратилось в дворянскую контрреволюцию, а кн. Д. М. Пожарский и К. Минин превратились в маховых

2 П. Г. Любомиров, *Очерки истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг.* (Москва: Госполитиздат, 1939.) и С. Ф. Платонов, *Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. (опыт изучения общественного строя и словесных отношений в Смутное время)* (СПб.: склад изд. у Я. Башмакова и К^о, 1899. 665 с.; М.: Соцэкгиз, 1937. 499 с.; М.: Памятн. ист. мысли, 1994. 469 с.)

реакционеров³ Построения М. Н. Покровского приняли и развили его ученики.⁴

Иной взгляд на Смуту развивал другой историк-марксист Н.А. Рожков. Переосмысляя концепцию С. Ф. Платонова, он увидел в событиях начала XVII в. «второй момент дворянской революции в России», направленной против боярства. Посадские, крестьяне, холопы и казаки, по его мнению, в этом противоборстве не выступали в качестве самостоятельной политической силы и не имели собственной программы. Они, в целом, поддерживали более прогрессивное дворянство, но иногда конфликтовали с ним по вопросу о крепостном праве и переходили на сторону бояр. В свою очередь дворяне, вступив в конфликт с низами города и деревни, иногда были вынуждены объединяться с боярами, что заставляло социальные низы «дружить с иноземцами» и вместе с ними бороться с дворянами. В конечном счете, по мнению историка, дворяне перед лицом внешней опасности смогли восстановить союз с посадскими и крестьянами и под руководством кн. Д. М. Пожарского и К. Минина вышли из Смуты победителями.⁵

Построения первых историков-марксистов страдали социологическим схематизмом и склонностью к модернизации событий прошлого, поэтому, как только их ученики перешли к углубленному анализу источников, в историографии наметился отход от первоначальных оценок всей Смуты как «крестьянской или казацкой революции». С. Г. Томсинский вплотную подошел к пониманию Смуты как гражданской войны эпохи феодализма. С. М. Дубровский пришел к выводу, что крестьянской войной была не вся смута, а только восстание И. И. Болотникова.⁶ В 30–40-х годах XX в. в литературе, под влиянием трудов Б. Д. Грекова, утвердились взгляды на Россию IX–XIX вв. как феодальное государство, а народные выступления XVII–XVIII вв. стали рассматриваться как крестьянские войны – «проявления высшей формы классовой борьбы при феодализме». Оценки событий начала XVII в. как «крестьянской»

3 М. Н. Покровский, *Русская история с древнейших времен. В 4-х. тт.* М., 1923. Т. 1., с. 50–51.; М. Н. Покровский, «Смутное время» в *Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. Том 39.*, ред. В. Я. Железнов, М. М. Коваленский (и др.) (Москва: Братья А. И. Гранат и К°, 1934), с. 646.

4 Н. Н. Фирсов, *Крестьянская революция на Руси.* (Москва-Ленинград: Госиздат, 1927), 126 с.

5 Н. А. Рожков, *Русская история в сравнительно-историческом освещении.* (Петроград: Книга, 1922. Т. 4, ч. 2.), С. 5-6, 14-15, 177, 183–186.

6 С. М. Дубровский, «Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв.» в *Крестьянские войны в России.* ред. С. М. Дубровский, Н. Л. Мещеряков, Н. М. Лукин (Москва: Новая деревня, 1925) с. 43–54.

или «казачьей» революции, вождями которых являлись самозванцы, были признаны ошибочными. А. А. Саввич, А. И. Козаченко, Л. Б. Генкин, И. П. Шаскольский подвергли уничтожающей критике взгляды на Лжедмитрия II как народного царя и постарались доказать, что движение самозванца было скрытой формой интервенции Речи Посполитой против России. Правящие круги Речи Посполитой, по мнению историков, воспользовались ослаблением Русского государства и с помощью своих ставленников попытались захватить страну. Народ, как считали исследователи, не разобрался в происходящем. Когда же правящие круги Речи Посполитой и Швеции сбросили маски и перешли к открытой интервенции в Россию, народ объединился в движении земских ополчений и после обретения единства, которого достиг методом проб и ошибок в первом земском ополчении, во главе с кн. Д. М. Пожарским и К. Мининым, спас страну и народ от гибели.⁷ Положительным в построениях историков был отказ рассматривать движение земских ополчений против поляков и борьбу против шведов в 1611–1612 гг. как реакционную дворянскую контрреволюцию, что нашло подтверждение в основанных на обширных документальных материалах, статьях и монографиях Г.Н. Бибикова, В. П. Мальцева, Н. И. Покровского, Н. Л. Рубинштейна. В этих трудах впервые была высказана продуктивная мысль, что истоки движения ополчений 1611–1612 гг. следует искать в земском движении против тушинцев 1608–1609 гг.⁸

Историки независимой Польши в 1918–1939 гг. развивали взгляды А. Гиршберга, А. Прохазки, К. Валишевского, дополняя и уточняя их своими наблюдениями. Они сильно идеализировали С. Жолкевского, полагая, что проводимый им курс подчинения России, в отличие от

7 Л. Б. Генкин, *Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII в.* (Ярославль: Областное издательство, 1939), 172 с.; А. И. Козаченко, *Борьба русского народа с польско-шведской интервенцией в начале XVII в.* (Москва: Госполитиздат, 1939), 121 с.; А. И. Козаченко, *Разгром польской интервенции в начале XVII века.* (Москва: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1939), 174 с.; А. А. Саввич, *Борьба русского народа с польской интервенцией начала XVII в.* (Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1939), 56 с.; И. П. Шаскольский, *Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в.* (Петрозаводск: Госиз-во Карело-Финской АССР, 1950), 168 с.

8 Г. Бибиков, «Опыт военной реформы 1609–1610 гг.», *Исторические записки.* 19. (1946): 3–16.; В. П. Мальцев, *Борьба за Смоленск.* (Смоленск: Смоленское областное государственное издательство, 1950, 346 с.; Н. И. Покровский «Начало народной войны в Московском государстве в 1608–1609 гг.», *Ученые записки Ростовского-на-Дону государственного университета.* Т. 6. (1945) Вып. 3.: с. 3–45. и Н. Л. Рубинштейн, «Возникновение народного ополчения в России в начале XVII в.» *Труды Государственного исторического музея.* Вып. 20. *Военно-исторической сборник.* ред. Н. Л. Рубинштейн (Москва: Советская Россия, 1948), с. 47, 58.

авантюристических планов Сигизмунда III и его окружения, был более дальновидным и сокрушались по упущенной возможности подчинения России Речи Посполитой.⁹

В 40–50-е годы XX в. И. И. Смирнов выполнил фундаментальное исследование, посвященное восстанию И. И. Болотникова и пришел к выводу, что в 1606–1607 гг. в России имела место первая в истории страны крестьянская война, «основными движущими силами» которой были крестьяне, холопы, казаки и мелкие служилые люди по прибору и которая шла под лозунгами уничтожения крепостнических отношений и ликвидации «крепостнического гнета». Службу в повстанческом лагере городских дворян юга и юго-востока России историк объяснял их стремлением использовать движение социальных низов в своих корыстных интересах. Причины разгрома восставших он видел в стихийности выступлений, неорганизованности и низкой сознательности крестьянских масс. Движения Лжедмитриев И. И. Смирнов оценивал, как скрытую иностранную интервенцию.¹⁰ Концепция И. И. Смирнова стала господствующей в советской историографии, а он сам был удостоен Сталинской премии.

Особый интерес представляют труды ученика И. И. Смирнова И. С. Шепелева, который в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию по истории первого земского ополчения. Вернувшись с фронта, историк опубликовал в 40–50 гг. ряд статей по теме своего исследования и взялся за изучение истории «освободительной и классовой борьбы» в России 1607–1610 гг. Выступления повстанцев и народа под знаменами Лжедмитрия II, по его мнению, являлись прямым продолжением Крестьянской войны. Грабежами и насилиями посадских и крестьян самозванец и воевавшие под его знаменами иноземцы и их приспешники разоблачили себя, народ поднялся на освободительную борьбу, помог М. В. Скопину-Шуйскому возродить правительственную армию и разгромить тушинцев в Замосковье. Первое ополчение, как считал ученый вслед за своими предшественниками, собралось, когда стали ясны захватнические планы короля Сигизмунда III и его окружения. Исследователь полагал, что роль Гермогена в созыве ополчения в литературе сильно преувеличена и сделал важное наблюдение, что у истоков всенародного движения наряду с П. П. Ляпуновым стоял кн. Д. М. По-

9 W. SOBIESKI, *Żótkiewski na Kremlu*. (Kraków: Nakład Gebethnera i Wolfa, 1920), 217; K. TYSZKOWSKI, *Wojna o Smoleńsk 1613–1615*. (Lwów, Kraków: Towarzystwo Naukowe, 1932), 176.

10 И. И. Смирнов, *Восстание И. И. Болотникова 1606–1607 гг.* (Москва, Ленинград: Госполитиздат, 1951), 583 с.

жарский. Переговоры ополченцев со шведами историк оценивал, как дипломатическую игру, направленную на временную нейтрализацию опасного врага на севере страны. К сожалению, кандидатская диссертация, защищенная накануне Великой Отечественной войны и статьи, вышедшие в провинциальных сборниках статей, остались незамеченными в историографии Смуты и ныне сильно устарели.¹¹

После войны историю первого земского ополчения исследовал еще один фронтовик, ученик С. В. Бвхрушина Н. П. Долинин в докторской диссертации «Классовая и национально национально-освободительная борьба в Русском государстве в конце 1610–1614 гг.». Судя по названию, это исследование должно было стать прямым продолжением исследования И. С. Шепелева. В 1958–1968 г. историк опубликовал монографию, в которой исследовал участие подмосковных полков кн. Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого в движениях первого и второго земских ополчений. Подобно другим советским историкам он считал, что роль патриарха Гермогена в создании первого земского ополчения сильно преувеличена дореволюционными историками. Подлинными организаторами и вождями ополчений являлись П. П. Ляпунов и И. М. Заруцкий, возглавлявшие две основные социальные группы в ополчении: служилых людей и казаков. Служилые люди, по его мнению, боролись за восстановление прежних самодержавно-крепостнических порядков, тогда как казаки-ополченцы, будто бы, мечтали о создании на территории страны некоей вольной казачьей республики во главе с казачьим кругом. Эти противоречия привели к конфликтам между служилыми людьми и казаками, которые привели к гибели П. П. Ляпунова, отъезду из-под Москвы большинства дворян и резкому сужению территории, контролируемой кн. Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким. Только кн. Д. М. Пожарскому «на платформе народного ополчения» удалось объединить все патриотические силы из обеих этих социальных групп в Объединенном ополчении и освободить Москву от иноземцев. В 1968 г. исследователь вышел на защиту докторской диссертации по заявленной теме, но неожиданно умер буквально накануне ее защиты.¹²

11 И. С. ШЕПЕЛЕВ, *Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608–1610 гг.* Дисс. докт. Ист. наук. (Ленинград: ЛОИИ, 1959); И. С. ШЕПЕЛЕВ *Первое земское ополчение.* Дисс. канд. Ист. наук. (Ленинград: ЛГУ, 1941); И. С. ШЕПЕЛЕВ, *Труды по истории Смуты в России в начале XVII столетия В 2-х т.* ред. И. О. Тюменцев. (Волгоград: Изд. ВГСПУ «Перемена», 2012.) 408, 508 с.

12 Н. П. Долинин, *Классовая и национально-освободительная борьба в Русском государстве в конце 1610–1614 гг.* Дис. д-ра ист. наук, 1968. – РГБ ОР. – Ф. 218. – Д. 1355.;

Исследования советских историков 30-х – начала 50-х годов XX в. существенно продвинули вперед изучение событий Смуты, но в их трудах Лихолетье начала XVII ст. оказалась расчлененным на крестьянскую войну и иностранную. При этом термин «Смута» был объявлен «буржуазным». После смерти И. В. Сталина в 1953 г. в СССР руководство КПСС провозгласило возвращение к ленинским принципам руководства страной и народом и допустила послабления в контроле над научными исследованиями историков. Исследования И. С. Шепелева, Н. П. Долинина вызвали бурную дискуссию по, казалось бы, забытым в 30-г. XX в. проблемам истории крестьянских войн, которая развернулась во второй половине 50-х – 60-х годов на страницах журналов «Вопросы истории» и «История СССР». В ходе споров А. А. Зимин предложил рассматривать всю Смуту как крестьянскую войну, которая началась в 1603 г., достигла высшей стадии в 1606–1607 гг., затем переросла из классовой в национально-освободительную и закончилась в 1614–1618 гг.¹³ Многие исследователи согласились с предложениями А. А. Зимины, но первая же попытка обосновать новую концепцию на конкретном материале, предпринятая Д. П. Маковским, привела к возрождению старых марксистских социологических схем 20–30-х годов XX в. и не была принята историками.¹⁴

Развернутое обоснование гипотезы А. А. Зимины о многоэтапной крестьянской войне 1603–1618 гг. на обширном архивном материале попытался обосновать В. И. Корецкий. Историк пришел к выводу, что основными причинами крестьянской войны в России явилось утверждение крепостничества в русской деревне, которое произошло в результате отмены Юрьева дня в 90-х годах XVI в., и резкое понижение статуса холопов. Непосредственной причиной к народному бунту стал голод 1601–1603 гг. Первая волна крестьянской войны, по мнению ис-

Н. П. Долинин, *Подмосковные полки («казацкие таборы») в национальноосвободительном движении 1611–1612 гг.* (Харьков: Харьковский гос. ун-т, 1958), 130 с.

- 13 А. А. Зимин, «Вопросы истории крестьянской войны в России в начале XVII в.» *Вопросы истории* № 3 (1958): 97–113; А. А. Зимин, «О некоторых спорных вопросах классовой борьбы в Русском государстве XVII века», *Вопросы истории*. № 12 (1958) С. 204–208.; Р. В. Овчинников, «Некоторые вопросы крестьянской войны начала XVII в. России», *Вопросы истории* № 7. (1959) С. 69–83.; А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков, *Крестьянские войны в России XVII–XVIII в.* (Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1983); И. И. Смирнов, «О некоторых вопросах борьбы классов в Русском государстве начала XVII в.» *Вопросы истории*. № 12 (1958) С. 116–131.
- 14 Д. П. Маковский, *Первая крестьянская война в России* (Смоленск: Смоленское областное государственное издательство, 1950), 346 с.

следователя, поднялась в 1603 г. – с восстанием Хлопка, вторая, более мощная – вынесла на московский престол Лжедмитрия I, который, столкнувшись с боярской оппозицией и надвигающимся народным бунтом, будто бы, решил отменить крепостное право и обратился за помощью к народу. Его гибель дала мощный импульс крестьянскому восстанию И. И. Болотникова, в ходе которого крестьянская война достигла апогея. Ограниченность классового самосознания крестьянства, полагал В. И. Корецкий, не позволили ему победить. После разгрома повстанцев в Туле, пошел спад крестьянской войны, продолжавшийся до ее завершения в 1618 г. В это время произошло перерастание классовой борьбы в национально-освободительную. Ученый считал, что историческое значение крестьянской войны заключается в том, что она являлась первым в истории России массовым выступлением крестьянства против угнетателей, которое на несколько десятилетий задержало утверждение крепостного права в стране.¹⁵ Важно отметить, что события Смуты после 1608–1610 гг. в построениях В. И. Корецкого остались не исследованными. Он лишь «переосмыслил» наработки предшественников.

Концепция А. А. Зимина – В. И. Корецкого была принята многими советскими историками. В. Д. Назаров, проанализировав движущие силы повстанческих движений начала XVII в., пришел к выводу, что особенность Крестьянской войны заключалась в том, что объективно роль активного начала и «идеолога» в классовой борьбе взяло на себя казачество, которое «оказалось неспособным на более или менее длительное объединение угнетенных слоев города и деревни». К сходным выводам пришли А. П. Пронштейн и Н. А. Мининков, исследовавшие роль донского казачества в событиях начала XVII в. Б. Н. Флоря и В. Д. Назаров полагали, что правящие круги Речи Посполитой сыграли определенную роль в подготовке Лжедмитрия I, но позиция, занятая сеймом Речи Посполитой, настаивавшим на развитии мирных отношений с восточным соседом, заставила их отказаться даже от тайного вмешательства во внутренние дела России. К подготовке Лжедмитрия II Сигизмунд III и его окружение, по мнению историков, вообще не имели никакого отношения и о вмешательстве их в русские дела нельзя говорить ранее появления в стане самозванца Я. Сапеги.¹⁶ В. И. Буга-

15 В. И. Корецкий, *Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России*. (Москва: Омега, 2007), 528 с.

16 В. Д. Назаров, «О некоторых особенностях крестьянской войны начала XVII в.» в *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе* ред. В. Т. Пашуто (Москва: Наука, 1972), с. 330–366.; В. Д. Назаров, Б. Н. Флоря, «Крестьянское восстание под предводительством

нов высказал мысль, что после восстания И. И. Болотникова классовая борьба зачастую сливалась с национально-освободительной и борьба против попытки иностранных феодалов утвердиться в России приобретала ярко выраженный антифеодальный характер.¹⁷ В. К. Чистов, исследовавший феномен самозванчества в России в XVII-XIX вв. пришел к заключению, что «авантюристы», создавая свои истории о чудесных спасениях, использовали бытовавшие в народе «социально-утопические легенды», что делало их агитацию действенной и им удавалось поднимать народные массы на борьбу с угнетателями.¹⁸ В. М. Панеях исследовал историю холопства в конце XVI – начале XVII вв.¹⁹

Дискуссия о крестьянских войнах, хотя и закончилась ничем, позволила в анализируемых работах историков вернуться к рассмотрению событий начала XVII в., как единого комплекса событий, и актуализировала широкий спектр теоретических и практических проблем изучения социальных конфликтов XV–XVIII вв.

В польской литературе 60-х годов XX в. наибольший интерес представляет монография Я. Мацшевского. Проанализировав польские публицистические и литературные произведения начала XVII в., сохранившуюся переписку между государственными деятелями и частными лицами, историк выяснил, как строилась агитация различных политических сил и как менялись настроения в польском обществе. Он пришел к выводу, что в конце XVI – начале XVII вв. между Россией и Речью Посполитой наметилось сближение, которое, однако, из-за смут в обоих государствах не реализовалось в прочный союз. Ни Лжедмитрий I, ни Лжедмитрий II, по мнению историка, не были ставленниками правящих кругов Речи Посполитой. Общественное мнение Речи Посполитой было настроено против вмешательства во внутренние дела России. Наемники, по его мнению, действовали исключительно в своих корыстных интересах, вопреки запретам короля и сейма. О начале «скрытой интервенции» в Россию, как полагает Я. Мацшевский,

И. И. Болотникова и Речь Посполитая» в *Крестьянские войны в России в XVI–XVII вв.: проблемы, поиски, решения*. ред. Л. В. Черепнин (Москва: Наука, 1974), С. 325–352.; А. П. Пронштейн, Н. А. Мининков, *Крестьянские войны в России XVII–XVIII в. и донское казачество* (Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1983)

17 В. И. Буганов, *Крестьянская война в России начала XVII в.* (Москва: Издательство Наука, 1976), 144 с.

18 К. В. Чистов, *Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.* (Москва: Издательство Наука, 1967), 342 с.

19 В. М. Панеях, *Холопство в XVI – начале XVII вв.* (Ленинград: Наука, 1975), 266 с.; В. М. Панеях, *Холопство в первой половине XVII в.* (Ленинград: Наука, 1984), 261 с.

можно говорить только после отправки на службу к Лжедмитрию II отряда Я.П. Сапеги, с помощью которого король и его окружение начали вмешиваться в русские дела. Недальновидная политика Сигизмунда III вызвала мощное движение земских ополчений, которое изгнало войска интервентов – поляков и литовцев из России, чем сильно ослабила Речь Посполитую накануне тяжелых испытаний, которые ей пришлось пережить в XVII в.²⁰ Взгляды Я. Мацисhevского получили дальнейшее развитие в трудах польских историков.²¹

Накопленный к 80-90 гг. XX в. в исследованиях о Смуте фактический материал обнаружил парадокс: в источниках содержалось очень мало данных об участии крестьян в Крестьянской войне, зато имелся обширный материал о выступлениях дворян, казаков и беглых холопов. Пытаясь разрешить это противоречие, Л. В. Черепнин и В. Т. Пашуто, исходя из сложившейся в литературе ситуации, предложили вернуться к рассмотрению событий начала XVII в., как первой в истории России «гражданской войне», под которой понималась, прежде всего, крестьянская война, осложненная династическим кризисом, борьбой феодалов за власть, политической активностью горожан и иностранной интервенцией.²² Р. Г. Скрынников в серии монографических исследований и научно-популярных книг, посвященных событиям начала XVII в., сформулировал и обосновал новую концепцию Смуты. Опираясь на данные русских и иностранных документальных источников, исследователь критически проанализировал показания русских нарративных сочинений и установил, что в южных степных уездах – главной базе повстанческого движения – крестьян почти не было вообще, за исключением дворцовых сел в Комарицкой волости. Беглые холопы, принявшие широкое участие в повстанческом движении, в прошлом были «боевыми», а не «пашеными» холопами, как считал И. И. Смирнов, т. е. разорившимися служилыми людьми. Казацество, по мнению исследователя, в XVI – начале XVII вв. пополнялась

20 J. MACISZEWSKI, *Polska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej*. (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968), 326 s.

21 A. ANDRUSIEWICZ, *Dzieje wielkiej smuty* (Katowice: Wydawnictwo Naukowe „Śląsk”, 1999), 497 s.; Т. ВОЛУН, *Moskwa. 1612* (Warszawa: Bellona, 2005), 280 s.; P. FLOREK, “Historia pułku Jana Piotra Sapiehy - starosty Uświackiego”, *Echa przeszłości* IV. (2003): 31–49.; W. POLAK, *O Kreml i Smoleńszczyznę: Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607–1612*. (Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika, 1995), 351 s.; H. WISNER, *Lisowczycy*. (Warszawa: Bellona, 2004), 190 s.; H. WISNER, *Zygmunt III Waza*. (Wrocław: Ossolineum, 2006), 296 s.

22 Л. В. ЧЕРЕПНИН, *Вопросы методологии исторического исследования*. (Москва: Наука, 1981), 280 с.

в основном за счет разорившихся служилых людей, беглых боевых холопов, а не крестьян, т.к. без боевого опыта выжить в Диком Поле было невозможно. Все эти факты, как полагает историк, свидетельствуют, что главными движущими силами повстанческого движения 1604–1607 гг. являлись мелкие служилые люди южных окраин, беглые холопы и казаки, а не крестьяне. Р. Г. Скрынников, как и многие его предшественники, считал, что Смута явилась следствием утверждения крепостнических порядков в экономике России конца XVI – начала XVII вв., которые, по его мнению, обострили глубокий кризис феодального землевладения в России, вылившийся в вооруженную борьбу за землю и рабочие руки (закрепление за владельцами крестьян). Конфликт между крестьянами, которые воспринимали запрет на крестьянские переходы как временную меру, по мнению историка, разрастется позднее. Тысячи мелких и средних дворян, служилых людей по прибору, утратив возможность привлекать в свое хозяйство крестьян, были разорены и оказались перед выбором: поступить в боевые холопы или стать вольными казаками. Попытка правительства Бориса Годунова решить проблему за счет освоения вольных окраин усугубила кризис. На новые территории тотчас начали проникать крупные землевладельцы и теснить пожалованную служилую мелкоту. Изъятия земель затронули интересы вольного казачества, которое, в результате правительственной колонизации, потеряло значительные охотничьи и рыболовные угодья. Служилая мелкота, поднявшись на борьбу с правительственными силами под знаменами самозванцев, не ставила перед собой цели «ниспровержения феодального строя». Неслучайно поэтому, при появлении любого самозванца, его движение сразу же обнаруживало тенденцию к перерождению. Р. Г. Скрынников поддержал мнение историков, что движения Лжедмитрия I и Лжедмитрия II не являлись «скрытой интервенцией» Речи Посполитой против России. Интервенция, по его мнению, началась сразу в открытом виде. Земщина, осознав, что теряет все: имущество, веру, отечество, поднялась против интервентов. Р. Г. Скрынников полагал, что патриарх Гермоген сыграл ключевую роль в организации земского движения и поддержал наблюдение И. С. Шепелева, что у истоков Первого ополчения наряду с П. П. Ляпуновым стоял кн. Д. М. Пожарский, который вплоть до тяжелого ранения в мартовских событиях в Москве играл видную роль в борьбе ополченцев с оккупантами. К сожалению, возраст и здоровье не позволили Руслану Григорьевичу завершить его студии по истории Смуты. События 1608–1618 гг. он специально не исследовал, а стремил-

ся критически осмыслить исследования предшественников. Историк решительно высказался за правомерность применения термина «Смута» к событиям начала XVII в., как это делали современники и русские дореволюционные историки.²³

Независимо от Р. Г. Скрынникова, к сходным выводам пришел А. Л. Станиславский. Исследовав участие казачества в событиях Смуты 1610–1618 гг., он пришел к выводу, что вольные казаки Дона отошли от повстанческого движения после свержения Лжедмитрия I, получив значительное «государево жалование» от Василия Шуйского. Казачьи отряды, воевавшие под знаменами И. И. Болотникова, Лжедмитрия II и ополчений, по мнению ученого, образовались в результате «показачения» «непривилегированных» слоев населения России. К 1611–1612 гг. они объединились в самостоятельную организацию – Войско, отличное от существовавшего на Дону. Порвав со средой, из которой вышли, новоявленные казаки утратили прежние сословные интересы и приобрели новые. Приняв участие в земском освободительном движении, они одновременно активно боролись за привилегии и право получать у государства стабильное денежное жалование и корма и тем самым затронули интересы земцев: дворян, посадских и крестьян. Русские крестьяне, как заметил А. Л. Станиславский, в то время выступали в качестве самостоятельной силы только тогда, когда оказывались в безвыходном положении и были вынуждены спасти себя, семьи и имущество. В 1608–1612 г. они оказались перед выбором – продолжить как прежде тянуть тягло на царя, бояр, дворян и церковных феодалов или согласиться на собственную эксплуатацию через учрежденную наемниками и казаками систему приставств. Русские мужики предпочли крепостнические порядки безудержному грабежу, что привело к столкновениям между крестьянами и казаками. Только разгром правительством М. Ф. Романова образовавшегося на территории России вольного казачьего войска в 1614–1618 гг. и изгнание остатков их отрядов на Дон, по мнению А. Л. Станиславского, помогли разрешить конфликт между казаками и земщиной и вывести страну из Смуты. Исходя из сделанных наблюдений, историк пришел к выводу, что представление о Смуте, как крестьянской войне, «нуждается, по-видимому, в решительном пересмотре». Термин «гражданская война» в заголо-

23 Р. Г. Скрынников, *1612 год*. (Москва: Хранитель, 2007), 800 с.; Р. Г. Скрынников, *Минин и Пожарский*. (Москва: Молодая гвардия, 1981); Р. Г. Скрынников, *Смутное время. Крушение царства*. (Москва: Хранитель, 2007), 544 с.; Р. Г. Скрынников, *Три Лжедмитрия* (Москва: АСТ, 2003).

вок его книги поставили издатели. Сам историк, вопреки популярному историографическому мифу, этот термин не использовал.²⁴

Английская исследовательница М. Перри опровергла гипотезу К.В. Чистова, что российские самозванцы начала XVII в., поднимая народ на борьбу, эксплуатировали бытовавшие в народе «социально-утопические легенды о царях-избавителях». Она показала, что, в действительности, самозванцы и их окружение являлись авторами своих легенд и через агитацию вносили их в сознание народа, играя на его монархических иллюзиях. Никаких антикрепостнических лозунгов в их агитации не было.²⁵ Американский историк Ч. Данинг высказал предположение, что предпосылки Смуты следует искать в общеевропейском кризисе конца XVI–XVII в., а причины – не в социальной, а в политической и культурно-исторической плоскостях. Он полагает, что гражданской войны могло бы и не быть, если бы не убийство Лжедмитрия I.²⁶ Ученик Р. Г. Скрынникова, украинский исследователь В. И. Ульяновский, опубликовал несколько книг, посвященных Лжедмитрию I и его времени. Он пришел к выводу, что, придя к власти, решив «править лаской», Лжедмитрий I был вынужден строго следовать традициям российской православной монархии. Он, действительно, много говорил и даже пытался искать возможности реализовать преобразования, во многом аналогичные преобразованиям Петра I, но реакционными силами, во главе которых стал В.И. Шуйский, довольно быстро удалось расправиться с самозванцем и похоронить все его планы на будущее. Вспыхнувшая затем война между приверженцами самозванца и реакционерами привела к поражению реформаторов и до предела ослабила Россию, чем не преминули воспользоваться враги.²⁷

24 А. Л. Станиславский, *Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории*. (Москва: Мысль, 1990), 270 с.

25 M. PERRIE, *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False the Time of Troubles*. (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), 270 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511523465>

26 CHESTER S.L. DUNNING, *Russia's First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov Dynasty*. (Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2001), 657 p.

27 В. И. Ульяновский, *Смутное время* (Москва: Европа, 2006), 477 с.; В. И. Ульяновский, «Священство» и «Царство» в начале Смуты. *Московские патриархи, российские монастыри, духовенство Востока*. (Москва, Санкт-Петербург: Нестор-История, 2021), 808 с.; В. И. Ульяновский, *Российские самозванцы: Лжедмитрий I* (Киев: Либідь, 1993), 292 с.

References

- A. ANDRUSIEWICZ, *Dzieje wielkiej smuty*. [The History of the Great Smuta] (Katowice: Wydawnictwo Naukowe „Śląsk”, 1999), 497.
- G. BIBIKOV, „Opyt voenoi reformy 1609-1610 gg.” [The Experience of Military Reform in Years 1609-1610], *Istoricheskoe zapiski* 19 (1946): 3–16.
- T. BOHUN, *Moskwa. 1612*. [Moscow. 1612.] (Warszawa: Bellona, 2005), 280.
- V. I. BUGANOV, *Krest’ianskaia voina v Rossii nachala XVII v.* [Peasant War in Russia in the Early 17th Century] (Moskva: Izdatel’stvo „Nauka”, 1976.), 144.
- L. V. CHEREPNIN, *Voprosy metodologii istoricheskogo issledovaniia* [Issues of Methodology of Historical Research] (Moskva: Nauka, 1981), 280.
- K. V. CHISTOV, *Russkie narodnye sotsial’no-utopicheskie legendy XVII – XIX vv.* [Russian Folk Socio-Utopian Legends of the XVII-XIX Centuries] (Moskva: Nauka, 1967), 342.
- N. P. DOLININ, *Klassovaia i natsional’no-osvoboditel’naia bor’ba v Russkom gosudarstve v konce 1610–1614 gg.* [Class and National Liberation Struggle in the Russian State at the end of 1610–1614.] *Dissertatsiia doktora istoricheskikh nauk*, 1968– PRG OR. – F. 218. – D. 1355.
- N. P. DOLININ, *Podmoskovskie polki („kazatskie tabory”) v natsional’noosvoboditel’nom dvizhenii 1611–1612 gg.* [Regiments near Moscow (‘Cossack Tabor’) in the National Liberation Movement of 1611–1612.] (Khar’kov: Khar’kovskii gosudarstvennyi universitet, 1958), 130.
- S. M. DUBROVSKII, „Krest’ianskie voiny v Rossii XVII–XVIII vv.” [Peasant War in Russia in 17–18th Centuries] v *Krest’ianskie voiny v Rossii*, red. S. M. DUBROVSKII, N. L. MESHCHERIAKOV, N. M. LUKIN (Moskva: Novaia Derevnia, 1925), 43–54.
- CHESTER S.L. DUNNING, *Russia’s First Civil War: The Time of Troubles and the Founding of Romanov Dynasty*. (Pennsylvania: Pennsylvania State University Press, 2001), 657
- N. N. FIRSOV, *Krest’ianskaia revoliutsiia na Rusi* [The Peasant Wars in the Rus] (Moskva: Gosizdat, 1927), 126.
- P. FLOREK, “Historia pułku Jana Piotra Sapiehy - starosty Uświackiego” [The History of the Regiment of John Peter Sapieha, the Starosta of Uswiaty], *Echa przeszłości* IV (2003): 31–49.
- L. B. GENKIN, *Iaroslavskii kraj i razgrom pol’skoi interventsii v Moskovskom gosudarstve v nachale XVII v.* [The Iaroslavl’ Region and the Defeat of Polish Intervention in the Early 17th Century] (Iaroslavl’: Oblastnoe Izdatel’stvo, 1939), 172.
- V. I. KORETSKII, *Formirovanie krepostnogo prava i pervaiia krest’ianskaia voina v Rossii* [Formation of Serfdom and the First Peasant War in Russia] (Moskva: Omega, 2007), 528.
- A. I. KOZACHENKO, *Bor’ba russkogo naroda s pol’sko-shvedskoi interventsiei v nachale XVII v* [The Struggle of the Russian Nation with the Polish-Swedish Intervention in Early 17th Century] (Moskva: Gospolitizdat, 1939), 121.
- A. I. KOZACHENKO, *Razgrom pol’skoi interventsii v nachale XVII veka* [The Defeat of the Polish Intervention in the Early 17th Century] (Moskva: Gosudarstvennoe izdatel’stvo politicheskoi literatury, 1939), 174.
- P. G. LIUBOMIROV, *Ocherki istorii nizhegorodskogo opolcheniia 1611–1613 gg.* [Sketches of the History of the Nizhny Novgorod Militia 1611–1613] (Moskva: Gospolitizdat, 1939) 342.
- J. MACISZEWSKI, *Polaska a Moskwa 1603–1618. Opinie i stanowiska szlachty polskiej*. [Poland and Moscow 1603-1618. Opinions and Position of the Polish Nobility] (Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1968), 326.
- D. P. MAKOVSKII, *Pervaiia krest’ianskaia voina v Rossii* [The First Peasant War in Russia] (Smolensk: Smolenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii institut imeni Karla Marksa, 1967), 525.
- МАЛ’ТСЕВ В. П., *Bor’ba za Smolensk* [The Battle for Smolensk] (Smolensk: Smolenskoe oblastnoe gosudarstvennoe izdatel’stvo, 1950), 346.

- V. D. NAZAROV, „O nekotorykh osobennostiakh krest'ianskoi voiny nachala XVII v.” [On Some Peculiarities of the Peasant War of the Early 17th century.] v *Feodal'naiia Rossiia vo vseмирno-istoricheskom protsesse*, red. V. T. PASHUTO (Moskva: Nauka, 1972), 330–366.
- V. D. NAZAROV, B. N. FLORIA, „Krest'ianskoe vosstanie pod predvoditel'stvom I. I. Bolotnikova i Rech' Pospolitaia” [The Peasant Uprising led by I. I. Bolotnikov and the Polish-Lithuanian Commonwealth] v *Krest'ianskie voiny v Rossii v XVI-XVII vv.: problemy, poiski, resheniia*, red. L. V. CHEREPNIN (Moskva: Nauka, 1974), 325–352.
- R. V. OVCHINNIKOV, „Nekotorye voprosy krest'ianskoi voiny nachala XVII v. Rossii” [Some Questions of the Peasant War in Russia in the 17th Century], *Voprosy istorii* 7 (1959): 69–83.
- V. M. PANEIAKH, *Kholopstvo v XVI – nachale XVII vv.* [Serfdom in 16th and the Begging of 17th Century] (Leningrad: Nauka, 1975) 266.
- V. M. PANEIAKH, *Kholopstvo v pervoi polovine XVII v.* [Serfdom in the First Half of 17th Century] (Leningrad: Nauka, 1984), 261.
- M. PERRIE, *Pretenders and Popular Monarchism in Early Modern Russia: The False Tsars of the Times of Troubles*. (Cambridge: Cambridge University Press, 1995), 270. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511523465>
- S. F. PLATONOV, *Ocherki po istorii smuty v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. (opyt izuchenii obshchestvennogo stroia i soslovnnykh otnoshenii v Smutnoe vremia)* [Essays on the History of the Time of Troubles in the Moscow State XVI–XVII Centuries (Experience of Studying the Social Order and Class Relations in the Time of Troubles).] (Sankt-Peterburg: Sklad izdatel'stva u Ia. Bashmakova i K°, 1899), 665.; (Moskva, Sotsekgiz, 1937), 499.; (Moskva, Pamiatniki istoricheskoi mysli, 1994), 469.
- M. N. POKROVSKII, „Smutnoe vremia” [The Time of Troubles] v *Entsiklopedicheskii slovar' Russkogo bibliograficheskogo instituta Granat. Tom 39.*, red. V. IA. ZHELEZNOV, M. M. KOVALENSKII (i dr.) (Moskva: Brat'ia A. I. Granat i K°, 1934), 646.
- M. N. POKROVSKII, *Russkaia istoriia s drevneishikh vremen. V 4-kh tt.* [Russian History from the Earliest Times. In 4 Volumes.] (Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923), T.1. 236–304.
- N. I. POKROVSKII, „Nachalo narodnoi voiny v Moskovskom gosudarstve v 1608–1609 gg.” [The Beginning of the People's War in the Moscow State in Years 1608–1609.], *Uchenye zapiski Rostovskogo-na-Donu gosudarstvennogo universiteta*. T.6 (1945), Vypusk 3.:3–45.
- A. P. PRONSHEIN, N. A. MININKOV, *Krest'ianskie voiny v Rossii XVII–XVIII vekov i Donskoe kazachestvo* [The Peasant Wars in Russia in 17th and 18th Centuries and the Cossaks of the Don] (Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta, 1983)
- N. A. ROZHKOV, *Russkaia istoriia v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii*. [Russian History in Comparative-Historical Illumination.] (Petrograd: Kniga, 1923), 5–6; 14–15; 177; 183–186.
- N. L. RUBINSHEIN, „Vozniknovenie narodnogo opolcheniia v Rossii v nachale XVII v.” [The Emergence of the People's Militia in Russia in the Early 17th Century.], v *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia. Vypusk 20. Voienno-istoricheskoi sbornik*, red. N. L. RUBINSHEIN (Moskva: Sovietskaia Rossiia, 1948), 47–58.
- A. A. SAVICH, *Bor'ba russkogo naroda s pol'skoi interventsiei nachala XVII v.* [The Struggle of the Russian People with the Polish Intervention of the Early XVII Century.] (Moskva: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1939), 56.
- I. P. SHASKOL'SKII, *Shvedskaia interventsiiia v Karelii v nachale XVII v.* [Swedish Intervention in Karelia in the Early 17th Century] (Petrozavodsk: Gosizdatel'stvo Karelo-Finskoi ASSR, 1950), 168.
- I. S. SHEPELEV, *Osvoboditel'naiia i klassovaia bor'ba v Russkom gosudarstve v 1608-1610 gg. Dissertatsiia doktora Istoricheskikh nauk* [Liberation and Class Struggle in the Russian State in 1608-1610. Dissertation of PhD in History.] (Leningrad: LOII, 1959)
- I. S. SHEPELEV, *Pervoe zemskoe opolchenie. Dissertatsiia kandidata istoricheskikh nauk.* [The First Zemstvo Militia. Dissertation of Candidate in History] (Leningrad: LGU, 1941)

- I. S. SHEPELEV, *Trudy po istorii Smuty v Rossii v nachale XVII stoletii. V 2-kh t.* [Works on the History of the Time of Troubles in Russia in the Early 17th Century. In 2 Volumes.], red. I. O. TIUMENTSEV (Volgograd: Izdatel'stvo VGSPU« Peremena», 2012), 408; 508.
- R. G. SKRYNNIKOV, *1612 god* [Year 1612] (Moskva: Khranitel', 2007), 800.
- R. G. SKRYNNIKOV, *Minin i Pozharskii* [Minin and Pozharskii] (Moskva: Molodaia gvardiia, 1981)
- R. G. SKRYNNIKOV, *Smutnoe vremiia. Krushenie tsarstva.* [The Time of Troubles. The Collapse of the Tsardom] (Moskva: Khranitel', 2007), 544.
- R. G. SKRYNNIKOV, *Tri Lzhedmitriia* [The Three False Dmitriis] (Moskva: AST, 2003)
- I. I. SMIRNOV, „O nekotorykh voprosakh bor'by klassov v Russkom gosudarstve nachala XVII v.” [On Some Issues of Class Struggle in the Russian State of the Early 17th Century] *Voprosy istorii* 12 (1958): 116–131.
- I. I. SMIRNOV, *Vosstanie I. I. Bolotnikova 1606-1607 gg.* [The Uprising of I. I. Bolotnikov in Years 1606-1607] (Moskva-Leningrad: Gospolitizdat, 1951), 583.
- W. SOBIESKI, *Żótkiewski na Kremlu.* [Żótkiewski in the Kremlin] (Kraków: Nakład Gebethnera i Wolfa, 1920), 217.
- A. L. STANISLAVSKII, *Grazhdanskaia voina v Rossii XVII v.: Kazachestvo na perelome istorii* [Civil War in Russia XVII Century: Cossacks on the Cusp of History] (Moskva: Mysl', 1990), 270.
- K. TYSZKOWSKI, *Wojna o Smoleńsk 1613–1615.* [The War for Smolensk in 1613–1615] (Lwów, Kraków: Towarzystwo Naukowe, 1932), 176.
- V. I. UL'IANOVSKII, „Sviashchenstvo” i „Tsarstvo” v nachale Smuty. *Moskovskie patriarkhi, rossiiskie monastyri, dukhovenstvo Vostoka* [“Priesthood” and “Tsardom” at the Beginning of the Time of Troubles. Moscow Patriarchs, Russian Monasteries, Clergy of the East.] (Moskva – Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriia, 2021), 808.
- V. I. UL'IANOVSKII, *Rossiiskie samozvantsy: Lzhedmitrii I.* [Russian Impostors: False Dmitrii I] (Kiev: Lybid', 1993), 292.
- V. I. UL'IANOVSKII, *Smutnoe vremia* [The Time of Troubles] (Moskva: Evropa, 2006), 477.
- H. WISNER, *Lisowczycy.* [The Lisowczyks] (Warszawa: Bellona, 2004), 190.
- H. WISNER, *Zygmunt III Waza.* [Sigismund III Vasa] (Wrocław: Ossolineum, 2006) 296.
- A. A. ZIMIN, „O nekotorykh spornykh voprosakh klassovoi bor'by v Russkom gosudarstve XVII veka” [On Some Controversial Issues of Class Struggle in the Russian State of the XVII Century], *Voprosy istorii* 12 (1958): 204–208.
- A. A. ZIMIN, „Voprosy istorii krest'ianskoi voiny v Rossii v nachale XVII v.” [The Questions on Peasant Wars in Russia in Early 17th Century], *Voprosy istorii* 3 (1958): 97-113.